

Снег неоднократно целовал нежную грязь, снежинки собирались в холмы и горы и таяли под напором сгнивших ног и сапог на другом конце, образуя реки, пруды и ручьи. Стена стояла как барьер между двумя противоположными мирами, двумя противоположностями, двумя неизбежностями в бесконечной истории реальности. Небо над головой оставалось пепельным, и независимо от того, был ли это день или ночь, ни один луч солнца не пробивался сквозь него. Вместо этого царил тьма. А невидимые музы пели песню ветров - слабых и томительных, залетающих каскадами в открытые двери и окна.

Не было тишины, чтобы созерцать этот момент; мир был поглощен временем года, холодом, сыростью зимы. На одном конце стояли живые, отваживаясь на страх, а на другом - мертвые. Это было море. Наводнение. Число, которое ошеломило всех - особенно Сайласа. Ряды охватывали все северные стены, десятки тысяч - только видимые. Мертвые не кончались и не начинались. Они были всем и вся. Нетронутыми.

Он инстинктивно схватился за каменную стену, набирая в горсть снег. Его мозг даже не успел почувствовать холод и холод его пальцев - вместо этого он был слишком занят потерей разума и надежды.

"Что... что, во имя богов, это такое?" беспомощно пробормотал Вален.

"... это... ненормально", - Деррек, точно так же, дрожал, дрожал и заикался в неверии.

"Действительно, нет", - детский, но напевный голос привлек к себе внимание. Ян взобрался на вершину стены и перевел взгляд на другой конец, осматривая мертвецов. "Боюсь, что ваш дом... был помечен."

"М-меченый?" спросил Сайлас.

"Как новое основание для строительства Колодца", - сказал Ян. "Все умершие здесь должны породить его. "

"...!" Глаза Сайласа расширились от ужаса, холод в его душе затмил холод зимы.

"Не надо было им этого говорить", - раздался голос из рядов мертвых, когда фигура в плаще и капюшоне, нездорово сгорбленная, шагнула вперед, опираясь на деревянную трость с вороньим наконечником. "Ты убьешь их души, Ян".

"... твоя защита не будет вечной, Призрак", - выплюнул Ян. "И когда она закончится, я лично вырву тебе позвоночник".

"Хе-хе-хе", - странно засмеялась фигура. "Всегда рад. Но я прошу вас уйти. Мы бы не хотели, чтобы возникли какие-либо недоразумения, не так ли?"

"..." Ян повернулся к Сайласу и Валену и вздохнул. "Удачи, маленькие человечки." Мальчик внезапно растаял, как кусок льда в водоеме, и исчез, как будто его там и не было.

"Хорошо", - сказала фигура, повернулась и пошла обратно к рядам мертвецов. "Теперь, когда неприятности исчезли... Чан-те г'акаа бенум..."

Когда голос угас, словно далекий шепот умирающего, сквозь ревуший ветер донесся рев

мертвецов - рев, потрясший весь мир. Все глаза загорелись, когда из рядов мертвецов выскочило более двадцати пульсирующих фигур. Сайлас сразу же узнал их, как и Деррек, но только последний ответил ему тем же.

"ВСЕ, УХОДИТЕ СО СТЕН!" Однако даже его самый громкий, обжигающий горло крик... почти никого не достиг. А те немногие, до кого он дошел, стояли в замешательстве, не понимая, почему.

В этот момент инфералы достигли стены... и взорвались. Помимо ужаса, подумал Сайлас, летя по воздуху и оглядываясь на бессмысленное разрушение, это было... прекрасно. Его барабанные перепонки тут же лопнули, обильно кровоточа. Но зрелище, на кратчайшее мгновение, которое он испытал, прежде чем ослепнуть, было прекрасным.

Цвета разлились по миру, как по холсту, безграничные, бесформенные, перетекающие один в другой. Массивная стена была выкорчевана, как растение, ее куски и обломки разлетались повсюду, как восходящий дождь. Среди обломков камня, камней и деревянных досок больше всего выделялись трупы. Человеческая кровь окрасила мир в тот момент.

Вся реальность замедлилась, чтобы он смог увидеть все, что он мог потерять. Вален был рассечен поперек живота, нижняя половина отсутствовала. Как и Сайлас, он был ошеломлен, изранен, раскинув руки, словно молясь богам, которые его не слушали.

Из обоих глаз Райны текла кровь, и казалось, что она плачет кровавыми слезами. Сайлас видел, что она кричала - от боли ли, от ужаса, от какого-то сочетания этих двух причин... он не знал. Но его сердце все равно разбилось - разбилось, как стеклянная чаша, разбившаяся о стену, и ее осколки посыпались на землю.

Теннер был полностью уничтожен - Сайлас увидел это, как только прогремел первый взрыв. Он, к несчастью, стоял прямо над одним из взрывов, и все его тело разлетелось на куски, куски смешались с остальным.

Деррек потерял правую руку, выражение его лица - смесь ужаса, боли, агонии и гнева. В этот момент все человечество истекало кровью - среди восторга, среди ужаса, среди залитого кровью снега. Они падали, как деревья, срубленные дровосеком. Одно за другим, но одновременно.

Ты умер.

Точка сохранения 'Кровь Щенка' была инициализирована.

"Не может быть", - пробормотал Сайлас в холодную и далекую ночь. Вдалеке праздновали. Они праздновали победу. Но его сердце было лишено радости. Вместо этого в нем... остался только ужас от осознания того, что они обречены. Они не могли победить. Даже если бы их было вдвое больше, они не смогли бы победить. "Должен быть способ", - пробормотал он в противоречии. "Это не может закончиться здесь. Нет, это не может закончиться здесь. Я не позволю. Этого не может быть".

Эта сцена все еще ярко запечатлелась в его мозгу, и он знал, что она никогда не покинет его. Она присоединится к числу тех немногих сцен, которые он никогда не сможет забыть, сколько бы лет ни прошло: первый раз, когда он умер, первый раз, когда он увидел небо, затянутое дождем мертвых, и фигуру, спускаемую на цепях, первый раз, когда он убил кого-то, и теперь... это было оно. Сцена прямо из истории, изображающей гибель человечества. Мертвые победили. Нет, назвать это победой означало бы, что была какая-то борьба. А ее не было.

"Господи Иисусе", - пробормотал Сайлас, вставая и подходя к носильщикам в поисках вина. "Сколько лет я проведу в этой чертовой петле?"

Набрав несколько кувшинов вина, он отступил в темноту леса, спрятавшись за деревом. До сих пор, в любой другой момент, он никогда не чувствовал себя полностью безнадежным. Он

чувствовал себя побежденным, опустошенным, даже избитым, но никогда... безнадежным.

"Нет, не совсем безнадежно", - пробормотал он, полупьяный. Он мог придумать только одну вещь, которая могла бы спасти эту петлю - талисманы. Точнее, те, над которыми они с Райной экспериментировали, используя древнюю версию символов.

Естественно, они ничего не добились таким способом - в основном потому, что у них было всего несколько дней для практики. Но... это можно исправить. Три месяца и пара недель - именно столько продлится текущая петля. Чтобы не быть голословным, Сайлас дал себе три месяца - по три месяца на каждую петлю, чтобы продолжать изучать эти талисманы.

Им пришлось бы немедленно завалить Яна, чтобы поделиться ими, а потом учиться. И каждый цикл Сайлас должен был бы заставлять Райну разбирать символы, поскольку она обладала гораздо большей способностью к пониманию. И так снова и снова, пока когда-нибудь, в далеком будущем настоящего... они не смогут сделать талисманы полностью из древних символов.

"Блядь", - ругался он, пил без остановки, даже после того, как его один раз вырвало. "Бля, бля, бля, бля..."

"Э-э-э?" - голос вывел Сайласа из ступора, заставив его посмотреть налево. Там стояла женщина, облаченная в доспехи стражника, и странно смотрела на него из-под капюшона. Из-за недостатка света он едва мог различить некоторые черты ее лица, но, по крайней мере, ее мерцающие лаймово-зеленые глаза выделялись. "Я... простите. Я... мне показалось, что я что-то услышала, и я пришла..."

"- Хочешь выпить?" Сайлас прервал ее, пытаясь протянуть ей кувшин с вином. К его удивлению, она мгновение смотрела на него, прежде чем согласиться и подойти, сев напротив него.

"Что?" - спросила она. "Ты выглядишь так, будто тебе нужно продолжать пить. Я здесь, чтобы составить тебе компанию и проследить, чтобы ты не покончил с собой".

"...Мы не знакомы, я не думаю", - сказал Сайлас, хотя он не мог быть уверен - в конце концов, он был довольно пьян. "Я С-Сайлас", - его речь была довольно невнятной, но он продолжал пить.

"Я знаю, кто вы", - сказала она.

"О? Я знаменит? Как лестно".

"... почему вы здесь?" - спросила она. "Празднуешь в одиночестве?"

"Хох? Ты думаешь... ты думаешь, что это я праздную?" - Сайлас разразился смехом, на мгновение ошеломив женщину. "Празднует, говорит она, ха-ха-ха-ха... Хорошо. Хорошо, говорю тебе. Нет, нет, боюсь, я не праздную. Я скорблю".

"Траур... что?" - переспросила она. Даже пьяный, Сайлас уловил ее довольно густой и странный акцент - почти как у Поша, только еще более... напыщенный, так сказать.

"Смерть человечества", - сказал он, подняв в воздух кувшин с вином. "Никому не говори этого, но я не пророк, я не настоящий пророк, понимаешь?".

"Вы не говорите", - пробормотала женщина.

"Вместо этого, вместо этого, кто я такой - петельщик? Да, петляющий. Я умираю... а потом, а потом я возвращаюсь. Возвращаюсь во времени! Ха-ха-ха, ты можешь в это поверить? Совершенно безумно, я знаю! Ба. Я умираю и умираю, и продолжаю умирать и просыпаться в этом гребаном месте, в этой гребаной ночи, снова и снова, снова и снова. И... и это только начинается".

"..."

"Я умер, недавно", - продолжал он, разговаривая больше с собой, чем с ней. "Не только я. Все мы, вообще-то. Мы были в замке. Была зима. Глубокий, глубокий снег. Нападение. Еще одно. Хех. Еще одно. Так много... так много мертвых", - сказал он, выпив еще немного. "А потом... бум. Стена упала. И мы вместе с ней. И я... я устал. Так, так, так, так устал. Это должен быть я. Для всего. Есть только я. Я должен разобраться в этом. Разобраться в этом. Найти все ответы. А сейчас - сейчас мне нужно узнать, как остановить армию из десятков тысяч мертвецов. Как остановить падение замка".

"..."

"Херня! Гребаное дерьмо!" - кричал он, будучи уже глубоко пьяным. "Я не разбираюсь в этом дерьме! Я, я имею в виду, дай мне какого-нибудь богатого ебаря, и я... я... я принесу тебе часть его денег, понимаешь? Я достану тебе это. Но, блядь, разве я похож на героя, который спасет мир? Я... я пытаюсь, черт возьми! Но этот мир... этот ваш гребаный мир просто не остынет!".

"... ты говоришь так, будто тебе нужно обняться", - ее голос все еще каким-то образом умудрялся проникать в ее психику.

"Обнимашки? Нет, нет, мне нужна ядерная бомба, чтобы справиться с этой армией", - вздохнув, сказал Сайлас. "Я просто... так устал. Так, так, так, так устал..."

"Даже если так", - сказала она, звук ее сапог, бьющих по снегу, приближался, пока она приседала перед ним. "Ты не должен спать на снегу. Ты можешь умереть".

"... могу я тебе кое-что сказать? Например, честно", - женщина слегка отпрянула назад, почувствовав зловоние его дыхания, но все же кивнула. "Иногда... иногда, я бы хотел".

"... Жизнь драгоценна", - сказала она. "Мы должны держаться за нее. Пойдем. Возьми меня за руку. Я провожу тебя в твою палатку".

"Как, говоришь, тебя зовут?" спросил Сайлас, едва осознавая происходящее.

"Я не делала", - ответила она, перекинула его руку через плечо и медленно потащила его к лагерю. "Спокойно, спокойно! Просто держись за меня!"

"... ты хорошая", - пробормотал он, засыпая. "Многие из вас хороши. Вален. Теннер. Райна. Даже этот красавчик Деррек хорош. Почему? Почему вы все хорошие?! Если бы... если бы вы были злыми подонками, я бы мог уйти. Я мог бы уйти. Умыть руки от вас. Я мог бы... я мог бы сбежать из этого ада..." Сайлас заснул, его разум был ошеломлен и дрейфовал, в нем не было уверенности. Впервые за долгое время он спал спокойно, словно в объятиях, изгнавших всех его демонов. Он спал и отдыхал, расцветая, как цветок на рассвете.